

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Прощай от тебя

Айрин Лакс

Айрин Лакс
Прочь от тебя

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лакс А.

Прочь от тебя / А. Лакс — «ЛитРес: Самиздат», 2018

У неё за плечами — неудачный брак и страх новых отношений. У него — разрушенная карьера и отсутствие перспектив в будущем. Каждый из них стремится уйти от своих проблем, реальных и надуманных. Но что если их бег прочь - это лишь движение навстречу друг другу? В оформлении обложки использованы фото со стока shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5. Денис	17
Глава 6. Денис	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

За окном – уже поздний вечер... Всё тело ломит от усталости, а голова гудит словно потревоженный улей. Слишком много впечатлений для последних нескольких дней. Я не знаю, каким чудом я ещё держусь на ногах. Литры выпитого кофе сделали своё дело? Или энтузиазм вкупе с упрямством и безвыходностью..? У меня просто нет никакого морального права раскисать. Особенно сейчас, когда впереди появился огонёк надежды и обстоятельства начали складываться в мою пользу.

Хочется растянуться на ровном месте, пусть даже на полу, без единого движения, но надо ещё собрать игрушки и вымыть посуду, собравшуюся за целый день. С игрушками я справляюсь в два счёта. Сейчас, когда маленький разбойник спокойно посапывает, убрать безобразие не составляет большого труда. И на автомате мою посуду, не задумываясь о своих действиях. Вытираю руки о полотенце. На сегодня – достаточно, смотрю на экран телефона. 23-45. Нет, усмехаюсь я. Уже даже не вечер, а ночь... Телефон выскользывает из влажных пальцев и падает на пол. И в открывшемся окне сообщений я вижу текст:

"Ну что, сука, хорошо устроилась на новом месте?"

Меня насквозь прошибает страхом, а лоб покрывается холодной испариной. Я словно наяву слышу его голос и вижу взгляд тёмно-карих глаз: один глаз прищурен чуть больше другого, и этот взгляд не сулит мне ничего хорошего. Я застываю на месте без движения и смотрю на экран телефона, не мигая, до тех пор, пока он не гаснет. Собираюсь с духом и поднимаю его трясущимися пальцами, вдыхаю до боли в груди и открываю сообщение. Буквы перед глазами пляшут как сумасшедшие, и лишь спустя минуту до меня доходит, что это старое сообщение. Я смотрю на дату, раз за разом вглядываясь в цифры, минувшие в прошлое, и облегчённо вздыхаю. Огромный камень падает с моей души. Я думала, что уже стерла все сообщения из памяти телефона. Уничтожила все его гневные послания, матерные, дышащие злобой и ненавистью. Но, оказывается, что среди сообщений о погоде и рекламных рассылок затерялось одно, напугавшее меня, как сквозняк, внезапно распахнувшийся закрытое окно.

Я удаляю сообщение и пролистываю ленту сообщений вниз, чтобы убедиться – больше ничего. Одно-единственное упущение, досадная невнимательность с моей стороны. Я откладываю телефон в сторону и повторяю про себя, что ему нет никакого дела до меня и Сашеньки. Всё в прошлом. Я убеждаю в правильности этого утверждения себя до тех пор, пока оно не превращается в аксиому, и поправляю сползшее вниз одеяло, которым укрыт спящий сыночек.

Глава 1

Я никогда не испытывала паники или страха перед лицом многолюдных городов. Выросшая в маленьком городке, численность которого едва ли превышала пятьдесят тысяч живых душ, я с любопытством и жадной жаждой нового впитывала в себя шум и ритм большого города, где мне доводилось учиться. Большого... Смеюсь... По сравнению с теми городами, где я бывала ранее, нынешний кажется просто огромным. Больше миллиона жителей. Подумать только... И сейчас я, сошедшая с поезда, стоя на вокзале, испытываю какой-то необъяснимый ужас перед многолюдной равнодушной толпой. Волны торопящихся людей огибают меня, застывшую неподвижно, словно утёс. Страх. Липкий, противный до одури, он взбирается вверх по ногам, проникая под кожу. Я слышу его скрипучий голос и чувствую, как он скребётся внутри меня, выгрызая для себя место. Он нашептывает мне, что всё бесполезно. Ты совершенно одна... Тебе не кого положиться... Уезжай прочь и забейся в угол, не высовывая своего носа...

– Маааам...

Тёплая ладошка в моей руке сжимается чуть крепче. Сашенька крепко хватается за мои пальцы, одним своим прикосновением выдёргивая меня из жутких лап кошмарного наваждения. Один жест трёхлетнего ребёнка разгоняет прочь тучи и наполняет меня решимостью.

– Пойдём...

Я закидываю рюкзак на спину и подхватываю сумку. Нужно отойти подальше, достать телефон и позвонить двоюродной тётке. Она обещала встретить меня на вокзале. Поезд немного задержался в пути, но я не вижу тётю Надю в собравшейся толпе. Я пристраиваю Сашеньку на лавочку, доставая его любимую игрушку из рюкзака. Он радостно обхватывает синюю полицейскую машину из мультфильма "Робокар Поли" и начинает жужжать себе под нос.

Гудки, гудки, гудки... Я пытаюсь дозвониться уже минут пять, но слышу только равнодушные гудки. Наконец, тётя Надя поднимает трубку.

– Алло...

Голос звучит недовольно, но я стараюсь не обращать на такие мелочи внимания.

– Добрый вечер, тётя Надя. А я приехала, жду вас на вокзале.

– Катя, ты что ли? Ну поздравляю, поздравляю... А я думала, что ты так, шутя, говорила о том, что собираешься переезжать...

– Нет же, – я вымученно улыбаюсь в ответ, – какие шутки? Мы же на прошлой неделе разговаривали...

– Аааа... – тянет тётя Надя. И молчит.

Я матерюсь про себя. Я отдаю себе в отчёт, что тётя Надя не горит желанием видеть на пороге своего дома племянницу с сыном, но разве не она сама согласилась встретить меня, радушно заявив на похоронах, мол, трудно будет – приезжай, чай не чужие мы. Не чужие. Нет. Но иногда родные кажутся дальше и непонятнее самого казалось бы чужого человека. И я ведь приехала не как снег на голову, а заранее созванивалась, заручившись её согласием. Но сейчас понимаю, что то была лишь элементарная вежливость, не более...

Не люблю просить... А в голове слова матери, шепчущей вполголоса: "Просите – и вам дадут, ищите – и найдете, стучите – и вам откроют. Потому что каждый, кто просит, получает, и кто ищет, находит, и тому, кто стучит, откроют." (Св. Евангелие от Матфея 7:7,8)

Пропадите вы все пропадом со своими проповедями!.. Я вдыхаю поглубже и как можно спокойнее произношу:

– Значит вы не встретите меня, как договаривались? Я с Сашенькой на вокзале сижу...

– Мне бы твои заботы, – нехотя выдавливая из себя тётка, – дел по горло. И сын уже умотал с друзьями гулять...

– Хорошо, – соглашаюсь я и добавляю прежде, чем она отключится, – если у вас не получается, тогда я сама подъеду. Адрес только точный скажите...

Я отметаю в сторону ошметки своей гордости и заталкиваю куда подальше стеснительность и стыдливость. Мы провели в поезде трое суток. У меня на руках трёхлетний ребёнок. Уже пол-десятого вечера, он голоден и хочет спать.

– Так ты ко мне жить, что ли приехала? – изумляется тётя Надя.

– Не жить, – отвечаю я как можно более миролюбиво, – тётя Надь... Мы же договаривались, что вы встретите меня с сыном на вокзале... Сейчас уже поздно, Сашенька устал. Я совершенно не знаю города и мне негде остановиться кроме как у вас. Надолго я у вас не задержусь. Мне бы только переночевать.

– У меня самой семеро по лавкам... – нехотя выдавливаю из себя тётка.

– Мама говорила, что на вас можно положиться, – не отступаю я. Возможно, не очень хорошо прикрываться словами покойницы, но иного выхода нет.

– Хорошо, – соглашается со вздохом тётя Надя, – пристрою тебя на ночь. Всё же не чужие...

Она называет мне адрес и отключается. Не чужие мы. Нет. Но пороги мне приходится обивать так, словно я паразит или пиявка, желающая присосаться к ней навеки вечные.

Таксист высаживает нас у высотного многоквартирного жилого дома. Новостройка, активно заселяемая жителями. Домофон равнодушным голосом спрашивает, кто мы, и пускает внутрь. Лифт мгновенно возносит нас с сыном на шестой этаж. И мы оказываемся перед дверью квартиры тётки Нади. Она долго не открывает дверь. словно не слышит трель дверного звонка. Но у меня создаётся впечатление, что она стоит около двери, размышляя пускать нас на порог или нет.

Лязг замка – дверь открывается.

– Ну здравствуй!..

Торопливый сухой поцелуй в щёку и отстранённые объятия, от которых веет равнодушием. Сашеньке достаётся чуть больше снисхождения, но и ему не особо рады. Сын, словно чувствуя настроение, целплетя за мою ногу, пряча лицо.

– Такой большой – и нюня, – усмехается тётя Надя, – проходи, располагайся...

Я аккуратно ставлю нашу обувь на полку и пристраиваю как можно незаметнее сумки в коридоре. Умываю Сашеньку, отмечая, какой уставший, немного осоловевший у него взгляд.

– Мы уже поужинали... Гостей не ждали, – немного отрывисто говорит тётя Надя, застыв в коридоре, ведущем в кухню. Она словно боится нашествия двух чужеродных термитов на свою территорию и готовится защищать своё добро от чужаков.

– Спасибо и на том. Можно просто чайник поставить, я хотя бы кашу запарю, покормлю сына.

Тётя Надя согласно кивает, пропуская нас вперёд. Она ставит на стол пару чашек и кружек, достает из хлебницы на тарелку пару кусочков хлеба и так торопливо ныряет в холодильник, загораживая своим телом дверцы, что мне становится смешно. Я не успеваю подавить смешок и прижимаю к себе Сашку, словно радовалась чему-то сказанному или сделанному им. На столе появляется ещё упаковка молока и маслénка с парой кусочков сыра под стеклянной крышкой.

– Спасибо...

Я прохожу в коридор и достаю из рюкзака кашу в пачках, которые не требуется варить, а нужно всего лишь залить кипятком.

– Не буду кашу, – хмурится Саша. Он произносит слова так смешно, ещё не выговаривая все буквы. "Не-а бууу кау" – выходит у него.

– Надо, солнышко. А потом ляжем отдыхать...

Сашенька кривится, подбородок начинает дрожать. В карих глазах появляются дрожащие лужицы слёз.

– Капризный? – интересуется тётя Надя, стоящая у окна.

– Уставший, – парирую я. Сашенька не истерит и не орёт благим матом, тихонько похныкивает уткнувшись лицом мне в грудь. Кашу, осточертевшую за эти несколько дней пути, он есть отказывается. Размазывает ложкой по тарелке, ковыряет и едва ли съедает пару ложек.

– Я вам в зале постелю, – вздыхает тётя Надя и отправляется восвояси, долго гремит в кладовой и появляется в коридоре с раскладушкой в руках.

Квартира у тётки трёхкомнатная, просторная. Две большие спальни и огромный зал. Она живет здесь с мужем и тремя детьми, старшему из которых уже исполнилось восемнадцать. Муж тётки Нади, Михаил, судя по её рассказу, сейчас на вахте, вернётся через пару дней... Места – достаточно, но тётя Надя выделяет нам с сыном раскладушку, застеливая её матрасом и тоненьким байковым одеялом.

– В другое место постелить не могу. Девочки спят отдельно. У меня спина больная. А сын обычно на диване в зале спит.

– Мам, Пашка сказал, что сегодня у Витька заночует, – подаёт голос из ванной средняя дочь Настя.

– Много ты знаешь, – одёргивает её тетя Надя, – он мне ничего такого не говорил...

Я умываю Сашеньку, уже почти спящего на моих руках, и укладываю на раскладушку, а сама ложусь рядом на пол. Еще некоторое время в доме работает телевизор, а потом тётка выключает и его. И квартира тонет в ночной, вязкой тьме, хороня всех под плотным покрывалом.

Глава 2

Пашка так и не заявился ночью. Диван маняще возвышался над полом. Но самовольно занимать территорию я не стала. Обойдусь. Мало ли какая гримаса отобразится на лице тётки, если она заметит самовольного захватчика.

Раннее утро безжалостно врывается в сознание громким перестуком посуды на кухне и звуком работающего миксера. Разбужена оказываюсь не только я одна. На кухню проходит недовольная и заспанная младшая дочь, Аня, которой недавно исполнилось десять.

– Мама, сейчас же каникулы...

– Конечно, зайчик мой. Иди спи.

– А ты гремиииишь... – капризно тянет Аня.

– Потерпи. Ты же просила блинчиков вчера.

– Я не ууутром, я вечером хотела...

– Всё, иди в спальню и закрой дверь, если тебе мешает шум...

Следующие слова тётки тонут в рёве мощного миксера. Саша беспокойно вздрагивает во сне. Я в отличие от Ани, не могу закрыть дверь, чтобы уменьшить уровень шума – в зале двери попросту нет.

– Доброе утро! – как можно более приветливо говорю я тётке. Та делает вид, что не слышит меня, вновь нажимая на кнопку миксера. Я терпеливо дожидаюсь, пока она закончит взбивать тесто и повторяю приветствие.

– Доброе, – усмехается она и поворачивается спиной. На плите уже нагревается сковорода. И через пару минут первая порция теста оказывается вылитой на дно сковороды.

– Как спалось на новом месте? Женихи не снились? – иронизирует тётка.

– Как в колодец провалилась. Не снилось ничего.

Это ложь. Я долго не могла уснуть, лёжа на холодном полу, чувствуя как в тело впиваются жёсткие ворсинки синтетического ковра. Надо мной раз за разом опрокидывалось тёмное ухмыляющееся небо, придавливая меня сверху толщей сомнений. Иногда становилось трудно дышать, воздух становился тяжёлым, словно из прозрачного чугуна и больно давил на грудь. Сон был коротким и нервным, то и дело прерывающимся ощущением, будто подо мной разверзается пропасть и я лечу вниз, будучи не в силах удержаться за острые, словно бритва края реальности. Только спокойное дыхание сына вырывало меня из ледяных лап кошмара и напоминало об иной стороне, светлой стороне, ради которой стоит жить и бороться изо всех сил.

– Значит, хорошо отдохнула и набралась сил... Надолго к нам?

– В Новосиб?.. Пока не решила, но хотела бы осесть на одном месте.

– А жить где собираешься? – резко спрашивает тётка, соскребая первый блин со дна сковороды.

– Буду искать жильё. Надеюсь, снять квартиру в ближайшее время.

– То есть до того момента ты у нас надеешься оставаться? – остатки пригоревшего блина летят в мусорное ведро.

– Не хотелось бы вас стеснять, – улыбаюсь я.

– Конечно. У нас и своих забот полон рот. Чего только тебе не жилось там, на прежнем месте? Ведь всё было...

– Обстоятельства так сложились, тёт Надь.

– Обстоятельства... Вас, богатых, не уразумеешь! – хмыкает себе под нос тётка и продолжает бороться с тестом на блины.

Я игнорирую её укол. Мне нет дела до её мнения, поверхностного и неверного. Я приучаю себя не реагировать на мнение окружающих. Удаётся не всегда, но я стараюсь.

– Так все блины будут гореть. Тесто жидкое слишком. Муки добавь, тёт Надь.

Она недовольно смотрит на меня через плечо, но всё же тянется за мукой, сыпет одну горсть и вновь размешивает. Новый блин опять прижаривается к сковороде.

– Давай я.

Выдержки не хватает смотреть на то, как тётка переводит тесто. Она нехотя отдаёт мне миску и садится за кухонный стол, пристально смотря за моими движениями.

– Квартиру сегодня искать начнёшь? – спрашивает она через пару минут.

– Да, только Саша проснётся, покормлю его и примусь за поиски.

– Будешь с ним на руках по всему городу таскаться?

– Я хотела его здесь оставить. Девочки же всё равно дома сидят?

Тётка недовольно поджимает губы.

– У нас и своих забот хватает, хотели сегодня в магазин съездить...

Я усмехаюсь про себя. Она так не желает видеть меня и сына у себя в квартире. Не проще было бы распахнуть настежь дверь и попросить убраться куда подальше?

– Тебе однокомнатная же квартира нужна? – решает продолжить разговор тётка.

– Конечно, зачем нам двоим хоромы?

Я снимаю со сковороды блин, золотистый, тёплый, с ажурными краями.

– Хорошие у тебя блины получаются. У меня никогда с первого раза не выходят. Кучу теста перевозжу...

Тётка молчит, а потом говорит уже чуть более мягко.

– Я квартиру сдаю, от бабушки досталась. Однокомнатная хрущёвка. Район, конечно, не центральный. Она сейчас как раз пустует. Если хочешь, могу сдать её тебе.

– Спасибо! – я улыбаюсь, одной проблемой меньше. И не у чужого же человека придётся снимать жильё...

– Можем поехать после обеда. Посмотришь, подойдёт или нет. Но говорю сразу – не жди евроремонта. И придётся убраться. Предыдущие жильцы съезжали так, словно на пожар торопились...

– Хорошо, хорошо. А платить сколько придётся?

Тётя Надя называет цену, не колеблясь. Судя по тем объявлениям, что я рассматривала, пока ехала в поезде, цена не ниже рыночного уровня. Даже чуть больше. Тётка верно истолковывает моё замешательство.

– Так тебе же с пропиской надо? С пропиской всегда дороже...

– Да. Мне бы с пропиской.

– Тогда только такой вариант. Сюда, в эту квартиру я вас с сыном вписывать не стану, уж извини. Чем могу, тем и помогаю...

Что ж, спасибо и на том. Я отдаю себе отчет в том, что она могла бы и вовсе не делать даже того мизера, что предлагает мне сейчас. Ведь по сути, мы виделись с тёткой всего несколько раз в жизни, на общих семейных торжествах или похоронах. Потому я принимаю предложенное.

Квартира располагается в одном из спальных районов города, насколько я могу судить. Добираемся мы туда долго, даже несмотря на то, что у тётки свой автомобиль. Тётка не соврала – квартире действительно требуется уборка. Такое ощущение, будто здесь жило стадо неопрятных свиней – в раковине киснет посуда, стол заляпан пятнами, а на полу следы от обуви. Мебель кое-какая имеется, вся ещё с советских времён. Такой же древний холодильник и старенькая стиральная машина.

– Телефона и интернета нет. Телевизора тоже, – говорит тётка, смотря как я хожу по квартире, – но так квартира сухая и тёплая, не угловая. Да и этаж нормальный, третий...

Я согласно киваю. Я решаю остаться здесь, как можно скорее вычистить этот гадюшник, выдраить всё и привезти Сашку. Жить на тёткиной милости даже пару-тройку дней совсем не хочется.

– Хорошо, я согласна. Порядок наведу – и будет приятнее здесь находиться.

– Нууу, что есть, то есть, – тянет тётка и поспешно добавляет, – только предоплата за два месяца вперёд нужна...

Иного я и не ожидала, честно говоря. Уже с первого телефонного звонка стало ясно, что тётка просто так помогать не намерена. Мы обговариваем ещё несколько минут детали, а потом покидаем квартиру. Тётка намерена обстряпать всё как можно быстрее, и я поддерживаю её в этом решении...

Глава 3

Я не стала оставлять сына в гостях у тётки. Как только с бумажной волокитой было покончено, забрала сына и поехала осваивать новое жильё. Придётся ему повозиться со мной, пока я навожу порядок. А ему в радость всё это – довольно бегаёт по квартире с мокрой тряпкой, возюкая ею по всем поверхностям. Для него весь мир ещё представляется огромной и весёлой игровой площадкой. И поневоле я заражаюсь его хорошим настроением и солнечной улыбкой.

Спустя час-полтора слышится стук по батарее. Кто-то недовольно колотит по чугунным секциям, а через несколько минут раздаётся стук в дверь. На пороге стоит старушка, недовольно поджимающая губы.

– Квартиранты новые, что ли?

– И вам здравствуйте. Чем обязана?

– Это у вас тут грохот? Будто стадо слонов над головой бегаёт... Пожалуюсь участковому на незаконно проживающих квартиросъёмщиков, – тычет в мою сторону наманикюренным пальцем старушка.

– Жалуйтесь. Мы здесь прописаны. Проверить не составит большого труда. Это всё? Или вы что-то ещё хотели сказать?

– Не шумите. Мешаете людям спокойно жить.

– В четыре часа дня? Вот если услышите шум в неположенное время, тогда и приходите. А сейчас извините, но мне некогда с вами разговаривать.

Я не слушаю, что ещё собирается высказать соседка, и закрываю дверь. Не люблю многоквартирные дома именно по этой причине. Всегда найдется тот, кому ты мешаешь жить, даже если единственным источником звука в квартире является мерно тарахтящий холодильник. Придется вредной старухе привыкать к новому источнику шума, коим является нормально развивающийся трехлетний ребенок. Я не собираюсь шикать на Сашеньку или велеть ему сидеть без движения только потому что какой-то старухе мешает топот детских ножек, раздающийся не так часто.

День пролетает незаметно. И к десяти часам вечера сынок отключается сидя за кухонным столом с ложкой в руках. Я аккуратно переносу его на диван, укрывая тоненьким стёганым одеялом. И проворачиваю в голове список того, что еще нужно успеть сделать, купить, привести в божеский вид. Список получается огромный. Мне хочется охватить всё и сразу, доведя до совершенства. Но потом я призываю себя остановиться с наполеоновскими планами. Остановиться, перевести дух и сосредоточиться на том, что действительно важно и необходимо в первую очередь.

На короткий миг меня накрывает паникой и волной сомнений. Я никого не знаю в этом огромном городе. Тётка? Не идёт в счёт. Наверяд ли от нее можно добиться толкового совета. Удастся ли мне освоиться и прижиться здесь? Не лучше ли было остаться там, в родном городке. И тут же отвечаю сама себе – нет, не лучше. В голове проносятся последние события, предшествующие моему отъезду, и я облегченно вздыхаю. По сравнению с теми проблемами нынешние кажутся пустяком, детским лепетом. Я справлюсь. Хотя бы ради Сашеньки. Не имею никакого права опускать руки и жалеть себя или фантазировать о несбыточном.

***

Первым делом я устраиваю Сашеньку в детский сад. Выбор огромный, но мне нужен такой сад, чтобы забирать сына после семи. С расчетом на то, что найду работу. После нескольких дней мотыляний по району я останавливаю свой выбор на частном детском садике. Нужно проехать на автобусе всего пару-тройку остановок. Саша ходил в детский сад раньше, но то было не здесь. Я переживаю, как он устроится на новом месте и понравится ли ему там. Первый день простаиваю недолгие пару часов во дворе детского сада, еле удерживаясь от того,

чтобы зайти и посмотреть, как он там. Без слёз и небольших капризов не обходится. Но уже к концу первой недели Сашенька с удовольствием собирается в детский сад по утрам. Он хватается за свой рюкзачок и натягивает ботиночки, путая левую ногу с правой, сопит от усердия и смешно утирает нос кулачком.

– Мааа, айда! – он нетерпеливо топчется возле двери и сбегает по лестничным ступенькам едва ли не вприпрыжку. Мне отраднее смотреть на него, такого радостного и беззаботного. Сердце наполняется тихой радостью и верой в лучшее. Наверное, это немного неправильно – черпать силы и уверенность у такого маленького крохи. И я отдаю себе отчет в том, что держусь на плаву только потому что он есть у меня. В противном случае бы прозябала в чёрном тумане депрессии.

В один из дней на квартиру заявляется тётка. Якобы в гости, но сама цепким взглядом окидывает квартиру.

– Хорошо так стало в квартире, чисто... Главное, чтобы Сашка твой на стенах не рисовал. А то обои жалко...

Я усмехаюсь про себя – обои уже давно пора заменить. Они отстают от стены снизу, и кое-где пузырятся.

– Не переживай, тёть Надя. Если Саша изрисует обои, я наклею новые.

– В принципе, если хочешь, можешь хоть сейчас заменить. Ты же надолго квартиру снимаешь, не на пару месяцев. Тебе здесь всё равно жить...

Я согласно киваю и спешу перевести тему, пока тётка не вменила мне в обязательства косметический ремонт. Мне сейчас не до того. Я пытаюсь найти работу, но подходящих вариантов мало. Как и опыта работы у меня. Практически на нуле. Я большую часть времени посвящала семье и на работу времени уже не оставалось...

– А ты со своим сходишься не собираешься? – вопрос тётки выводит меня из своих раздумий.

– Нет, – отвечаю я. Выходит резко, но иначе я не могу, – а почему ты спрашиваешь?

– Да так, просто. Сколько времени прошло с момента развода? Полгода..?

– Семь месяцев, – улыбаюсь я. Добавляя про себя: семь месяцев и одна неделя. С каждым днём всё дальше и дальше.

– И как? Не соскучилась? Не тянет домой?

– Нет, не тянет. Мой дом – там, где Сашенька.

Я не понимаю, к чему все эти расспросы. Ведь она никогда раньше не интересовалась подобным, дежурно спрашивала "как дела?" и на этом её внимание к моей семейной жизни заканчивалось. А сейчас её прямо-таки распирает от любопытства.

– Много таких, разбегутся по разным сторонам, помыкаются по одиночке, а потом вновь сходятся...

Предложение повисает в воздухе. Интонация задана наполовину утвердительная, наполовину вопросительная. Она словно пытается спросить меня и убедить в правильности своих слов.

– Всё верно, тёть Надя. А еще больше таких, кто не расходятся, а живут и терпят друг друга, взращивая ненависть. Лучше разойтись, пока не стало совсем поздно.

Тётка хмыкает и заводит песню о своей семейной жизни, рассказывая, как у них едва дело до развода не дошло. И посыл опять тот же самый – стерпится, слюбится, закрой глаза на то, что тебя не устраивает, и живи дальше.

Я в корне не согласна с ней. Довольно. Слишком долго я закрывала глаза на то, что не следовало. А теперь, когда смогла избавиться от тяготивших меня отношений, я не намерена возвращаться на исходную позицию жертвенного агнца.

Глава 4

Я не знаю, по какому принципу кто-то сверху, именуемый Всевышним, распределяет плюшки и прочие радости жизни. Но иногда мне кажется, что каждый раз, занося руку над коробкой с добрыми сюрпризами для меня, он задумывается на мгновение, неторопливо перебирает содержимое и в итоге машет рукой. Мол, обойдётся. Зато другой рукой щедро зачерпывает неприятностей и осыпает с головы до ног. Кушай-кушай, только не подавись!..

А может быть всё дело в том, что я слишком сильно уверовала в себя, убедила, что всё пройдет гладко, без сучка без задоринки. Я перестала оглядываться по сторонам каждые пару минут и дышала так спокойно и свободно, как никогда ранее. И как оказалось, зря. Реальность нагнала парой мощных шлепков по голове, заставив остолбенеть от удивления.

Скорым шагом по двору дома – к подъезду. Мысли витают где-то далеко-далеко. Там, где впервые за несколько лет забрезжил свет надежды. Еще ничего не ясно толком, выйдет ли и хватит ли у меня сил тянуть всё задуманное. Но чертовски приятно перебирать в голове варианты, будто стеклянные шарики на свету, играющие всеми цветами радуги.

В руках у меня игрушка, купленная для Сашеньки. Пожарный грузовичок Рой из мультфильма "Робокар Поли". Ему нравится этот мультсериал, смотрит с удовольствием и даже пытается подпевать весёлым задорным песенкам из него. В голове сразу начинает прокручиваться незатейливая мелодия. Мой шаг лёгок и полон энергии. Перед глазами, словно в калейдоскопе, поворачиваются радужные мысли и планы. Десятки, сотни комбинаций за несколько секунд. Я так увлечена своими мыслями, что не обращаю внимание на машину, припаркованную у самого входа в подъезд. Я настолько была оторвана от реальности в тот момент, что даже не заметила, как следом за мной в подъезд шагнул мужской силуэт. Опомнилась только тогда, когда услышала:

– Привет, котёнок мой. Давно не виделись.

Обманчиво-мягкий, вкрадчивый голос. Я знаю, насколько приятным он может быть, лаская слух, скользя по коже, словно мягкий бархат. Но еще лучше я знаю, что за этой мягкостью скрывается сталь. Ледяное касание к оголённым нервам, заставляющее застыть на месте без движения. Замереть, зажмуриться и верить, как в детстве, что с закрытием век все кошмары исчезают. Всего пять слов вспарывают мою реальность острым клинком.

Мои пальцы сильнее стискивают игрушку, прижимая её к груди. Дышать. Нужно не забывать дышать. Это элементарное повторяющееся движение, работа лёгких – только и всего. Вдох-выдох. Вдох... И выдохнуть не получается, потому что я чувствую его присутствие всем телом, каждой клеточкой кожи, покрывшейся мурашками.

Тесное пространство подъезда стремительно уменьшается от его присутствия. В подъезде темно, но с его приближением, кажется, становится ещё темнее. Кирилл кладёт руку на плечо и разворачивает меня к себе лицом.

– Не хочешь поздороваться, а? Котёнок...

Большие сильные пальцы оглаживают плечо через блузку. От его ладони исходит жар и проникает через тонкую ткань. Но внутри меня в противовес его горячим рукам всё стынет, покрываясь изморозью страха.

– Привет, – наконец, выдавливаю я.

– Привет – и всё? А как же ласковое прозвище? Нет? Ну может хоть обнимешь и поцелуешь?

Кирилл тянет меня на себя, вжимает в своё тело, обхватывая подбородок одной рукой. Наклоняется и обдаёт тёплым дыханием, немного пахнущим сигаретным дымом, алкоголем и апельсиновой жвачкой. Крупные губы нагло накрывают мои, впиваясь. Я отворачиваю голову и мокрый поцелуй скользит по щеке.

– Что тебе от меня надо?

– А чего так неприветливо? Неужели не соскучилась?

– Мне некогда скучать было.

– Конечно, некогда. Разве бляди могут скучать? У них наверное и между ног не просыхает от весёлой жизни?

– Понятия не имею. Тебе об этом известно больше моего.

Он ослабляет хватку, и я осторожно высвобождаюсь. Боюсь поворачиваться к нему спиной и пячусь назад. Один крошечный шаг. Ещё один. Стоп. Кирилл вновь протягивает руку и хватает меня, дёргает на себя, удерживая несколько мгновений, и тащит в угол подъезда. Я упираюсь ногами в цементный пол, но с таким же успехом могла бы и ничего не делать вовсе. Кирилл много крупнее и сильнее меня. Что ему мои комариные тычки и жалкие попытки остановиться?

– Отпусти.

– Не могу, котёнок. Я, видишь ли, по тебе соскучился.

Он зажимает меня в углу между стеной и своим телом. Мои глаза уже привыкли к темноте, но выражения его лица разобрать не удаётся. Оно кажется мне маской чокве из чёрного дерева. Такое же жуткое и злобное.

– Просто в один прекрасный день я вдруг понял, что моей любимой суки нет во всём городе. Испарилась. Исчезла, как сквозь землю провалилась. Нехорошо сбегать едва ли не на другой конец страны, не предупредив об этом своего мужа.

– Бывшего мужа. Кирилл, мы в разводе. Я вольна поступать как захочу.

– Бывший – это твой ёбарь, нынче – инвалид хромой. А я – к этой категории не относился, не отношусь и никогда не буду. Ни-ког-да, слышишь меня, моя мелкая блядюшка?

Страх скручивает нутро в один тугой узел. Я судорожно пытаюсь сообразить, как можно вырваться из этого плена. На лестничной площадке первого этажа слышится звук открываемого замка.

– Помогите!

Кирилл толкает меня к стене и зажимает рот ладонью. Я вонзаю зубы в мягкую плоть, он злобно шипит и матерится. Запускает пятерню в волосы и прикладывает головой об стенку. Несильно наверное, по его меркам. А у меня зубы клацнули и из глаз искры полетели. Из губ вырывается стон боли и обреченный всхлип, который Кирилл заталкивает вглубь моего рта ладонью. Щёлк-щёлк-щёлк. Замок закрылся. И соседи, живущие на первом этаже, затаились в своих квартирах, как трусливые крысы. Стоят за своими дверьми, отгородившись от всего, прислушиваются, но не сделают ни шагу навстречу, ни телефонного звонка. Делайте, что хотите – избивайте, насилуйте, но за пределами нашего маленького мирка. От собственного бессилия начинают течь горячие слезы. Кирилл шарит рукой по моей талии, прижимаясь всем телом.

– А это что за хрень? – он вырывает из моих рук игрушку и кидает её на пол, наступая ногой. Раздается хруст – пластмасса ломается в два счёта.

– Ты сыну вот эту хуйню дешёвую покупаешь, что ли? Есть предложение получше.

Кирилл дёргает ткань блузки на себя. Материя жалобно трещит. Маленькие пуговицы не выдерживают натиска и сыпятся на пол словно горошины из стручка. Я отпихиваю его руки, отбиваюсь от жадных пальцев, больно мнущих грудь через бюстгальтер.

– Давай, как в старые добрые времена, котёнок?

Кирилл втискивает колено между моих ног и тянет юбку вверх. Горло сдавленно хрипит, исторгая едва слышный крик:

– На помо...

Больше ничего не успеваю сказать – Кирилл бьёт в живот одной рукой, а второй всё еще пытается задрать повыше юбку, больно толкается коленом, не давая свести ноги вместе. Ужас

накрывает меня с головой. Нет. Нет. Нет. Бьётся в голове одна испуганная мысль. Помогите, хоть кто-нибудь!.. Можно орать до хрипоты или одури – ответом будет лишь тишина и осторожные шаги по ту сторону закрытых дверей.

Глава 5. Денис

– Вот, за два месяца.

Я не пересчитываю купюры, просто сворачиваю их пополам, засовывая в задний карман джинсов. Татьяне я верю – платит вовремя, живёт тихо и спокойно со своим мужем. Идеальные жильцы. Я торопливо прощаюсь и сбегая по ступенькам вниз. Ещё не дошёл до первого, но уже слышу женские всхлипы и рыдания и озлобленный низкий мужской голос. Я замираю на мгновение. Меня это вообще не касается. Пройти мимо – проще всего. Так поступают сотни, тысячи. Проходят мимо с равнодушным видом, наглухо заткнув уши и крепко сомкнув веки. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю. И пусть кто-то истошно вопит от страха и боли – своё спокойствие дороже. Но я никогда не умел поступать так. Что-то всегда заставляло меня замедлить шаг, остановиться, кинуться на подмогу. Грёбаный рыцарь двадцать первого века. Без лат и забрала. Лезешь на рожон – и поплатишься за это, часто говорили мне. И поплатился же однажды...

Но даже это не останавливает меня. Я торопливо сбегая вниз по ступенькам. В подъезде темно – выбиты все лампочки. Опять. И если на лестничных пролётах еще проникает свет из окон, то на первом этаже – непроглядная темень. И в первом закутке, тесном и утопающим в темноте, слышится возня и ругань, и судорожные рыдания.

– На помо...

Крик обрывается звуком удара и сдавленным стоном. Я едва различаю силуэты двоих в кромешной тьме. Оттаскиваю за шиворот мужчину и толкаю его спиной к стене.

– Блядь! Ты какого хрена лезешь? – его голос вибрирует от злости. Мужчина уже подобрался, напряженная поза говорит о готовности кинуться в драку, – отвали по-хорошему! Я тут с женой своей разговариваю!

– Я тебе не жена, – доносится из угла женский голос, – уходи, Кирилл! Не о чем нам с тобой разговаривать...

– Вот видишь, девушка не желает с тобой разговаривать.

– Тебе какое дело? Иди, куда шёл, целее будешь.

Глаза уже чуть привыкли к темноте. Мужчина немногим выше меня и может быть даже посещает тренажерный зал с невъебынным выражением на лице, считая себя физически развитым и сильным. Конечно, по сравнению с вон той тонкой фигуркой, зажатой в углу, он кажется невероятно внушительным.

– А слабо кулаки почесать не о бабу?

– Что?

Я не отвечаю сам, за меня это делают мои кулаки. Тело само принимает нужную стойку. Удар справа, левый хук, удар справа. Он явно не ожидает столь стремительной атаки. Запоздало поднимает руки, прикрывая корпус и часть головы. Его поза выдаёт любителя, не более того. Иначе бы закрылся как следует и попытался отразить такую элементарную комбинацию. Кирилл, так назвала его девушка, передвигается боком к двери, закрываясь от ударов. Упирается в дверь спиной и торопливо толкается в неё. На улице намного светлее, но я не успеваю разглядеть мудака как следует – он разворачивается и торопится к припаркованному возле подъезда автомобилю. Единым махом взбирается на сиденье и заводит мотор, глядя на меня через стекло. Что-то говорит себе под нос, но слов не разобрать. Только губы кривятся и лицо перекошено от злости.

Адреналин всё ещё бушует в крови, кулаки чешутся, требуя немедленного выброса скопившейся энергии. Чёрт, оказывается, тело скучало по таким простым и понятным движениям. Ничего не похоронено окончательно. Могильный земляной холм оказался лишь кучей наваленной пожухлой листвы, которую размело во все стороны от малейшей встряски.

Я возвращаюсь в подъезд, к всхлипывающей девушке. Она сидит на корточках и что-то подбирает с пола.

– Эй, ты как?

Я не придумываю ничего лучше, кроме как остановиться в двух шагах и присесть рядом. Девушка не оборачивается на звук голоса, только перебирает какие-то обломки, складывает их в ладонях. А они не удерживают этих обломков и рассыпают их обратно.

– Всё в порядке?

Я аккуратно дотрагиваюсь до плеча девушки. Она дёргается и ведёт плечом, сбрасывая мои пальцы. Да что она там всё подбирает? Я подсвечиваю экраном мобильного телефона, замечаю ярко-красную и желтую пластмассу – сломанная детская игрушка.

– Это твоё, да?

Девушка не отвечает, только согласно кивает головой, всё ещё всхлипывая, и отворачивает лицо. Света от экрана хватает только на то, чтобы выхватить из темноты курчавые русые волосы и узкое бледное лицо.

– Брось это. Уже не починишь...

– Урод... – выдавливает он из себя еле слышно.

Девушка прекращает попытки собрать сломанную вдребезги игрушку и вытирает тыльной стороной ладони глаза. Поднимается немного неловко и отворачивается, стягивая разорванную на груди блузку. Трясущимися руками одёргивает задранную юбку. Её знобит как от лихорадки. Она мнётся на одном месте, не решаясь сделать ни шагу в сторону. Кажется, такое состояние называют шоковым, когда от пережитого стресса человек на время дезориентируется в пространстве. Уговоры и прочее не помогут, нужно дать ей зацепиться сознанием за что-то знакомое и привычное.

Я подбираю самые крупные части от пластмассовой игрушки.

– Что это была за игрушка?

Я включаю фонарик на телефоне, кладу его на пол так, чтобы он немного освещал тот тёмный закуток, где мы сейчас находимся. Дотрагиваюсь до плеча кончиками пальцев. Она шарахается от меня в сторону. Я предупреждающе выставляю руки:

– Эй, всё хорошо, да? Я тебя не трону. Не бойся. Тот мудака уже ушёл... Кто он тебе?

– Никто. Уже никто.

– Хорошо. И его уже нет рядом. Не бойся. Ты куда-то шла?

Отрицательный кивок головы. Ещё одна попытка.

– Ты здесь живёшь?

– Да...

Её взгляд беспомощно мечется по моему лицу, она смотрит мне куда-то за спину. Хочет уйти, но боится сдвинуться с места. Сказала, что живёт здесь. А я не помню, чтобы видел её ранее. И кажется, что квартиру никто не продавал. Снимает, что ли?

– Пойдём, я провожу тебя. Тебе на какой этаж?

– Нет, не надо. Я сама.

– Конечно, сама. Я просто рядом побуду, о'к? Лампочки перегорели или выбил кто-то. Темень непроглядная. Так будет спокойнее. Пойдём.

Я протягиваю руку. И разумеется, она делает вид, что не заметила протянутой ладони, протискивается сбоку от меня, держа руками обрывки кофточки. Я поднимаю телефон и свечу им под ноги.

– Что это была за игрушка? – спрашиваю я, чтобы не молчать, и хоть немного растормошить девушку.

– Пожарный грузовичок, – отвечает она. Голос всё еще дрожит, но уже не так сильно.

– Какой еще грузовичок?

– Пожарный грузовичок Рой из мультфильма "Робокар Поли". Мой сынишка смотрит этот мульттик.

– Я о таком даже не слышал. Интересный хоть?

– Ему нравится.

Третий этаж. Девушка замирает возле лестничных перил, мельком оглядывая меня. Глаза смотрят затравленно. По её взгляду я понимаю, что сейчас выгляжу не самым презентабельным образом. Я скорее напоминаю одного из тех, кто слоняется по дворам, стреляя по мелочи, или отжимает гаджеты у молодёжи. Сколько дней на куреве и энергетическом дерьмовом пойле из жестяных банок? Трое или четверо бессонных суток? Щетина смотрится неопрятным грязным пятном, расплзшимся на большую часть лица. Отросшие волосы свисают по бокам, закрывая уши. Я расчесываю их пятерней, откидывая назад.

– Ты здесь живешь? Давно? Не видел тебя раньше.

– Нет, совсем недавно.

– А я – этажом выше. То есть не сам живу, а сдаю квартиру.

Какое ей дело до того, живу я здесь или нет? Она хочет как можно скорее распахнуть дверь и скрыться за спасительным тонким листом из железа.

– Ладно, я пойду, пожалуй... .

Но всё ещё стою, словно ноги к месту приросли.

– Меня Денис зовут.

Девушка молча кивает, держась за дверную ручку.

– Спасибо, Денис, – выжидающе смотрит на меня, всё ещё стискивая одной рукой разорванную кофту на груди. Она явно чувствует себя неуютно.

– Береги себя!

Я улыбаюсь на прощание и сбегая вниз по лестнице. Но не ухожу со двора, а сажусь на лавочку возле детской площадки. Сам не знаю почему, но предпочитаю торчать во дворе, дожидаясь кого-то из знакомых жильцов, с кем еще могу перебраться парой слов.

– Здорово! – по плечу хлопает тяжелая рука. Я поднимаю глаза – Костян. Долговязый, худощавый, с вечной ухмылочкой на лице. Он встает в боксерскую стойку и делает ложный выпад в мою сторону. Костян прекрасно знает как мне не нравится это его типичное приветствие. Но ему плевать – раз за разом одно и то же.

– И тебе не хворать, – я шутя пробиваю ему по корпусу. Он довольно ржёт и только после этого жмёт мне руку.

– Давно тебя не было видно здесь. Месяца полтора?

– Два. Ну как видишь – появился, жив-здоров.

– Чем занимаешься?

Я равнодушно пожимаю плечами:

– Всё тем же, моторы перебираю, а ты?

– Да я что? У меня всё стабильно и тихо, как в морге.

– Костян, что за жильцы в тридцать первой квартире?

– Третий подъезд?

– Ага, тот же, где моя хата. Только этажом ниже.

– Аааа, – понимающе протягивает Костя, – ты про эту... . Недавно заселилась, у тётки своей квартиру снимает. Мать-одиночка вроде, только сына видел при ней. Мелкий совсем ещё, трёхлетка. А что?

– Да так, столкнулся случайно.

Костян ржёт.

– Я бы тоже хотел с такой столкнуться пару раз совершенно случайно.

– С какой такой?

– Да ты слепой, что ли? Фигурка, что надо, мордашка такая, как у куколки...

– Не заметил. Зовут-то её как?

Я и на самом деле почти ничего не успел разглядеть в ней. Всё как в тумане.

– Катя-Катерина, маков цвет, – фальшиво тянет Костя, – зато я всё, что надо, заметил. Сам бы с ней замутил, да только у моей выдры любимой на такое чуйка.

– Да ну? А ребёнок?

– А что ребёнок? Я бы к ней подкатил, нахер мне её ребёнок сдался?

– Ты болван, Костян. Даром что твоя выдра тебя терпит. Иди спасибо ей за это скажи.

– Я лучше ей покажу своё спасибо.

– Давай, проваливай отсюда...

Костян перебрасывается со мной еще парочкой фраз и неторопливо уходит, встречать с работы свою выдру – так он любя называет подругу, с которой встречается еще с университета. А у меня из головы нейдет эта случайная встреча. Надо бы подняться и уйти прочь, а я словно корни пустил на этой лавке. Хотя кого я обманываю? Мне некуда и не к кому спешить. Потому я, накинув на голову капюшон толстовки, сижу уже битый час на лавке, бездумно пялясь на дверь подъезда. Ожидая, как болван, что она откроется и выйдет та девушка, Катя.

И на самом деле – дверь открывается. Катя выходит из подъезда. Уже переделалась, сменила разодранную блузку на трикотажную футболку персикового цвета и лёгкую белую ветровку. Волосы собраны в высокий хвост на макушке. За плечо перекинута небольшая бежевая сумка-рюкзак. Я стараюсь не пялиться, поглядываю на неё исподтишка, боясь, что заметит меня. Но ей нет никакого дела до сутулой фигуры в чёрном.

Лицо немного бледное и губы сжаты в тонкую линию. В каждом движении – резкость и какая-то отчаянная уверенность. Жесты Кати выдают, что страх еще не отпустил её, а цепко держит в своих объятиях. Я выжидаю немного и потом иду за ней следом, держась позади, ничем не обозначая своё присутствие.

Она доходит до автобусной остановки и садится в маршрутку, подъехавшую минутой позднее. Я несусь изо всех ног и едва успеваю запрыгнуть на лестницу перед тем, транспорт срывается с места. Маршрутку резко бросает вперёд, а всех пассажиров по инерции откидывает назад. И меня на мгновение прижимает к Катерине. Она крепче цепляется за поручень и переводит взгляд на меня. Узнаёт. Брови чуть хмурятся, а губы сжимаются плотнее.

– Привет, – на большее не хватает фантазии.

Она вскидывает на меня недоумевающий, немного изумлённый взгляд. И меня прошибает на месте, пронзает насквозь электрическим разрядом. Необыкновенно светлые глаза с тёмной, почти чёрной каймой. Какие-то невероятные, русалочки, светло-серые, но с лёгкой зеленцой и поволокой. Утягивают на дно. С головой – как в омут. Манят, словно прохладные воды.

– Ты следишь за мной? – голос чуть недовольный. Безошибочно чувствую, что так она пытается спрятать чувство тревоги.

– Просто приглядываю. Мало ли. Вдруг этот... опять вернётся?

– Я не нуждаюсь ни в чём присмотре. Тем более в непрошеном. Тебе, Денис, лучше заняться своими делами.

– На сегодняшний вечер я совершенно свободен.

Я улыбаюсь, глядя, как она хмурится и пытается отделаться от меня, прилипшего к ней, словно банный лист к мокрой заднице. Наверняка, последнее сказанное мной звучит как флирт. Чёрт, я на самом деле пытаюсь заигрывать?.. Самому становится смешно от собственной самонадеянности. А не пошёл бы ты на хрен, а, Денис?.. Будь у неё чуть больше смелости, послала бы прямым текстом. А так – просто сторонится, пытается держаться дальше. Но в забитой маршрутке это плохо получается, и её то и дело прижимает боком ко мне. И я млею, как последний болван, улыбаясь про себя и радуясь даже такой непрошеной близости.

Катерина покидает маршрутку через пару остановок. Я вылезая и неотступно следую за ней, держусь немного позади, но не скрываюсь. Зачем? Она и без того знает, что я иду рядом. Катерина оглядывается время от времени или ловит моё отражение в окнах зданий. Потом останавливается так резко, что я едва не налетаю на неё.

– Тебе заняться нечем?

– Сегодня – нечем.

– Найди себе другое развлечение. А мне некогда играть в гляделки и догонялки.

– А кто сказал, что я развлекаюсь? Я абсолютно серьёзен.

Но против воли мои губы сами расплываются в улыбке.

– Послушай, Денис. Обстоятельства, при которых мы встретились, не самые приятные для меня. И я хотела бы поскорее забыть это происшествие. А ты маячишь у меня перед глазами.

– Тебе неприятен я сам или..?

– Или-или, Денис.

Вот так поговорили. Отшла. А я ведь даже не подкатывал. Или всё же пытался? Чёрт знает что такое. Я останавливаюсь напротив стеклянной витрины магазина, нахлобучиваю глубокий капюшон на голову. Позволяю Катерине идти дальше. Пусть думает, что удачно отбрила меня. А на самом деле – ничего подобного. Я смотрю ей вслед, провожая взглядом тонкую, точёную фигурку, понимая, что буду таскаться следом, даже если она будет гнать меня от себя метлой.

Глава 6. Денис

Я все еще бреду за Катериной. Вижу, как входит во двор детского сада. Костян сказал, что сынишке три годика всего. Вспоминаю эту сломанную пластмассовую игрушку. И оглядываюсь по сторонам в поисках магазина детских игрушек. Мечусь по улице. Как назло – рядом ни одного торгового центра. Мелкие продуктовые магазинчики и уличные палатки торгашей овощами и фруктами. Скорым бегом направляюсь в конец улицы. Кажется, что когда маршрутка выворачивала из-за угла, в окне промелькнул какой-то мелкий торговый дом. Так и есть. Одноэтажное здание с облупленной надписью времен совдепа "универмаг". И внутри все такое же – тесное, видавшее виды. Я прохожу из одного конца магазина в другой, ища отдел с игрушками. Сегодня мне везёт – небольшой закуток, полки которого завалены всевозможными барби, мишками, черепашками-ниндзя и еще бог знает чем. Я впадаю в кратковременный ступор, теряюсь даже среди этого мизера, рыща глазами по полкам. Самолёты, катера, мотоциклы... Бля, да где же этот грузовик? Взгляд цепляется за жёлто-красный. Присматриваюсь – точно, это он.

За прилавком возится рыжеватая, полная девушка.

– Вечер добрый. Девушка, дайте мне вон ту красную машинку пожарного. На второй полке стоит.

Девушка бросает в мою сторону хмурый взгляд:

– Молодой человек, я уже закрыла отдел.

– Вы же ещё здесь находитесь!

– Но касса уже закрыта... Я не смогу продать вам товар.

Что за упрямство? Не вижу в упор кассового аппарата. Перед продавщицей – зеркало и тюбик ярко-сиреневой помады. Она уже накрасила одну губу и собирается мазать вторую губу помадой цвета мертвечины. Злость закипает внутри мгновенно.

– Плевать мне на твою кассу. Завтра доложишь. Вот эту машинку продай мне.

– Я неясно выразилась? Я УЖЕ закрыла отдел...

Вредная сука. Стоит, хлопает своими наращенными опухшими губами и капризно кривит ярко-накрашенный рот.

– Что тебе стоит протянуть руку и достать с прилавка этот грёбаный красный грузовичок? От тебя отвалится кусок? Ты перетрудишься за эти тридцать секунд?

Я опираюсь локтями на прилавок и загораживаю проход.

– Не надо на меня так смотреть. Ручку протянула и достала необходимое, – во мне во всю кипит недовольство, – ты, мля, пререкаешься со мной дольше, чем требуется. Уже дала бы то, что я прошу, и спокойно отправилась куда глаза глядят.

– Я... Я...

– Если сейчас не продашь мне этот сраный грузовичок, я перемахну через прилавок и возьму его сам.

Девушка смотрит на меня испуганно и всё же выполняет мою просьбу. Я отсчитываю ей деньги.

– Сдачу себе оставь. За моральный ущерб.

Прижимаю эту машинку к себе и тороплюсь обратно. На выходе едва не сбиваю с ног заходящего внутрь мужчину, бурчу под нос извинения и спешу к детскому саду. В голове вообще ни одной путной мысли. Криво усмехаюсь – смешно от самого себя. Мне в лицо прямым текстом дали от ворот поворот, а я пытаюсь выудить хоть что-то из сложившейся ситуации. Я успеваю вовремя. Как раз начинают тянуться первые мамашки с радостно галдящими малышами. Я прохаживаюсь по бордюру, не спуская глаз с дверей. Через минут десять появляется Катерина, держа за руку мелкого пацанчика. Смешной такой – маленький крепыш, лицо

серьёзное. Что-то рассказывает своей маме. Смотрю попеременно на Катю и на него, пытаюсь понять, на кого он больше похож. Глаза и рот явно не Катины...

Чёрт, пока разглядывал, упустил момент, а бежать вслед и окликать как-то стрёмно. Держусь немного поодаль с этим красным грузовичком под мышкой. Катя полностью увлечена сыном, не смотрит на других прохожих. Улыбается так незаметно, одними уголками губ, но лицо неуловимо меняется от этой лёгкой улыбки. Хочется встать напротив и глядеть до одури на это тонкое лицо, когда оно освещается такой улыбкой. А еще больше хочется стянуть резинку и распустить волосы. Отчего-то кажется, что они мягкие и невесомые, как пушистые белые головки одуванчиков.

Я залезаю в ту же самую маршрутку и вылезаю из неё первым. Катя крепко держит за руку малыша, пока тот с серьёзным видом пытается своими крошечными ножками преодолеть высокие ступени маршрутки. Я подхватываю его на руки, помогая спуститься, и тяну руку следом. Она машинально опирается на мою ладонь.

– Спасибо, – поднимает глаза и осекается, узнав меня.

– Не за что, – улыбаюсь я. Почему-то рот сам по себе расплывается в улыбке, едва стоит взглянуть ей в лицо.

– Мама, а кто этот дядя? – подаёт голос малыш.

Я присаживаюсь перед ним на корточки. Да, глаза точно не Катины – карие, чуть более вытянутые.

– Я – Денис, а тебя как зовут?

– Саня, – важно заявляет мальчишка и пожимает мою протянутую ладонь.

– Ну привет, Саня. Как дела у тебя?

– Класс! – он оттопыривает большой палец.

– Здорово. А знаешь, кто это?

Я протягиваю ему машинку.

– Даа!

Глаза Сани сразу загораются огоньком. Он протягивает руку, но потом отдёргивает её и смотрит на Катю. А та всё это время стоит без малейшего движения, словно замершая статуя.

– Маам?

– Ты же знаешь, Саша, что нельзя ничего брать у чужих.

– А мы уже познакомились, правда?

Лицо Кати вспыхивает, она берёт сына за руку.

– Саш, пойдём на качели покатаешься.

В метрах двадцати от остановки – уличная игровая площадка. Ничего особенного – старые железные горки и качели, кое-какие турники и покосившийся грибок. Но в глазах трёхлетки всё выглядит совершенно иначе. Он охотно шагает в том направлении, едва не переходя на бег, и сразу же взбирается на горку.

– Мама, Дени, – машет он сверху и лихо скатывается вниз.

– Молодец, – радостно улыбается ему Катя, потом смотрит на меня. Выражение лица мгновенно меняется, брови чуть хмурятся. Она словно заставляет себя выглядеть более взрослой, чем есть на самом деле.

– Самое время уйти.

Это она уже мне говорит.

– Почему ты меня гонишь прочь?

Она теряется на мгновение от такого вопроса, сцепляет руки замком, переводя взгляд на сынишку.

– Разве это не очевидно?

– Для меня – нет.

– Такой настырный, да?

Я пожимаю плечами. Самому ещё непонятно, отчего прицепился к ней как репейник.

– Да вот нашло что-то...

– Значит, как нашло, так и сойдёт.

– Злая ты, Катя.

– Уже и имя выяснил?

– Так соседи же.

– Ты же сказал, что не живёшь там?

– Сейчас еще нет, но мало ли... Вдруг придётся перебраться на старое место. Вот и станем соседями.

– Спасибо, не надо.

– Ну это уже не тебе решать, – внезапно захотелось пойти и попросить жильцов освободить квартиру. В голове завертелись шестерёнки, запущенные на полную мощность: предложу поменять шило на мыло. Я живу во второй своей однушке, за пару микрорайонов отсюда. Какая разница, где им снимать? А у той хаты и состояние получше, и сам район благоприятнее...

Катя собирается сказать мне что-то в ответ, но подбегает Санька.

– Ладно, я пойду. Не буду тебя смущать. Держи, Саня, это твоё.

Я всё же всовываю в руки малышу эту игрушку.

– Держи, не бойся. Это мама твоя купила, но меня попросила у себя подержать. Сюрприз тебе сделать хотела.

Выполнив задуманное, я торопливо удаляюсь прочь, едва ли не трусцой. Не станет же она гнаться за мной, чтобы вернуть детскую игрушку. Оборачиваюсь и кричу издали:

– Ещё увидимся!

Санька машет мне изо всех своей ручонкой. А Катя молча смотрит мне вслед, едва взмахнув рукой. Хотелось бы верить, что в этот момент она улыбалась хотя бы самую малость. Но издали непонятно то ли действительно улыбнулась, то ли это просто игра света и моего воображения, сражённого наповал одним точным выстрелом.

Глава 7

Встреча с Кириллом выбила меня из колеи. Я и не думала, что он бросится на мои розыски. Ведь за всё то время, что прошло с момента нашего развода он почти ничем не давал о себе знать. Только в первый месяц после получения заветных бумаг о разводе его штормило и периодически прибывало к нашему берегу. Общение по большей части происходило исключительно в формате телефонной связи: постоянные звонки, смс. Трудно было назвать полноценным общением поток его желчной злобы. Иногда его автомобиль появлялся под окнами дома и во дворе, где я жила. Изредка я сталкивалась с ним, но всегда на расстоянии и при большом скоплении народу, в людных местах. Но сегодня... Как только узнал, куда я уехала и где сняла квартиру? Вариант был только один.

Саша уже спал, утомившийся за целый день, а меня всё ещё мелко потряхивало ознобом от случившегося. Я посмотрела на часы – начало одиннадцатого. Не поздно ли для звонка? Но всё же набрала номер тёти Нади. Я сложила один плюс один и решила, что это она рассказала бывшему мужу, где меня можно найти. Вспомнила её неподдельный интерес к разрушенной семейной жизни, возникший внезапно.

Удивительно, но трубку она взяла сразу:

– Привет, а ты чего так поздно? Не спите еще с сыном?

– Саша спит, а мне сон нейдёт.

– С чего бы это?

– Может быть с того, что бывший муж внезапно появился на горизонте. Интересно только, откуда он узнал, где я живу.

– Мало ли откуда...

– О нынешнем адресе знают только двое: ты и я. Я никому адрес не называла.

– На что ты намекаешь? – разозлилась тётка.

– Кирилл звонил тебе?

– Знаешь, что, племянка. Просрала семью – не стоит винить в этом других. И корчить из себя обиженку.

– Я ничего из себя не корчу. Но не хотела бы, чтобы кто-то за моей спиной решал за меня, стоит ли мне видеться с бывшим мужем или нет.

– Послушай, Катя. Меня твои проблемы мало заботят. Своих оболтусов и вечной головной боли от их причуд хватает. И я не виновата, что ты с мужем чего-то не поделила. Он сказал, что ты не даешь ему видеться с сыном... и попросил сказать, где тебя можно найти.

– Спасибо, но не стоило этого делать. О сыне он вспомнил впервые за все те месяцы, что мы не вместе.

Плевать ему на сына, добавила я мысленно. За те несколько минут, что провёл рядом, не поинтересовался им ни разу, только вылил сверху на голову мне ушат дерьма. Но тётке о таком знать ни к чему, потому я просто говорю:

– Дело уже сделано, тёть Надь. Но не стоило ему что-либо сообщать обо мне. Надо было поставить в известность меня, что он объявился здесь.

– У тебя всё? Или ещё за что-то меня отчитаешь, как соплячку? Не доросла ещё жизни меня учить...

– Не в этом дело. Ладно, вижу, что разговора путного у нас не выйдет.

– А ты осмелела, Катенька. Давно ли мои пороги околачивала, прося о помощи? Память настолько короткая?

Я едва не задыхаюсь от возмущения.

– Так не безвозмездная помощь же. За всё заплачено, как и договаривались!

Тётка возмущенно кудахчет на том конце провода.

– Спасибо, племяшка. Теперь ты меня ещё и моей же копеечкой заработанной попрекаешь?.. А не хочешь ли съехать? Нет? Может, тогда освободишь мою квартиру, если тебя что-то не устраивает?

Я едва сдерживаю себя, напоминая, что тётка нас прописала в свою квартиру, что я уже нашла детский сад, куда Саша ходит с удовольствием. А изнутри меня сгрызает мыслишка – не единственный же вариант. Но не хочется опять сниматься с места, осложняя тем самым себе жизнь ещё больше. Потому я как можно миролюбивее говорю:

– Меня квартира, как и плата за неё устраивают. Если тебе что-то не нравится, можем разойтись и каждый останется при своём.

Тётка замолкает, понимая намёк. Возвращать уплаченное ей не хочется, потому она тоже прячет свои копы, торопливо прощаясь и желая напоследок спокойной ночи. Спокойствие. Если бы его разливали на заводе, запечатывая в бутылки, я бы сейчас не отказалась от парочки бокалов чистого, не разбавленного тревогой спокойствия высшего сорта. Вместо этого распахиваю окна, впуская свежий воздух и выхожу на балкон. Дышу остывающим воздухом, уже пропитанным ночной прохладой, разглядываю степенно гуляющих людей и проезжающие мимо машины. Взгляд падает на одинокий мужской силуэт под окнами, выхваченный из ночной темноты фарами проезжающего авто. Яркий сноп света вскользь мазнул по нему. Руки в карманах, капюшон надвинут на голову, чуть сутулится. На какой-то короткий миг мне показалось, будто он смотрит прямо на меня. В этой застывшей фигуре мне чудится сегодняшней новый знакомый. Но потом мужчина разворачивается и не торопясь бредёт прочь. Я устало провожу рукой по лицу – примерещится же всякое. Я заставляю себя идти и лечь спать. Но прежде чем уснуть, встаю раза три для того, чтобы проверить, закрыты ли все замки.

Кто-то перед сном считает овец или составляет списки того, что нужно сделать завтра. А я прокручиваю плёнку своей жизни, разматываю её от начала до конца – и обратно, ставлю на паузу, чтобы разглядеть отдельные моменты, и перематываю на скорости неприятные фрагменты. Если и было что-то хорошее в моей жизни с Кириллом, то это только появление на свет Саши. Иногда я смотрю на лицо сына и вижу в нём Кирилла – так сильно они похожи. Особенно глазами. Санька -маленькая и улучшенная версия того мудака, до недавнего времени бывшего моим мужем. Наверное, мы были обречены с самого начала – нельзя построить крепкие отношения и здоровую семью на почве насилия. Наша утлая и дырявая лодка вообще не должна была пускаться в плавание, но была спущена на воду сильным тычком и грозным окриком "Плывите!". И мы плыли, гребя изо всех сил, вычерпывая воду, заливающую хлипкое и ненадёжное судно, вмещающее в себя двух абсолютно разных людей. Я сошла с его борта, оставив далеко позади всё, что было. Так думалось мне. Но вдруг появляется он и тянет жадные руки, желая вновь вернуть меня обратно, пристегнуть к себе, чтобы тонуть вместе в тёмных водах взаимной неприязни.

– Отпусти.

– Не могу, котёнок. Я, видишь ли, по тебе соскучился.

Котёнок. От этого прозвища меня всегда бросает в дрожь. Так ненавистны мне стали любые производные от него. Всегда мягко и крадчиво, а затем – хлёсткая боль и вязкая темнота.

Глава 8

Несколько лет назад

Начальная точка отсчёта. 00-00-00. Место, откуда всё началось. Или то было раньше? Не знаю. Я считаю одним из самых неудачных дней своей жизни тот, когда вернулась в родной городишко после защиты диплома. Красная корочка, бакалавр. Экономический факультет, специальность – финансист. По завету родителей, чтобы не прозябать в нашем небольшом городке, а покорять мегаполисы светлой головой и тонной знаний.

– Молодец, дочка.

Тяжёлая рука опускается на плечо и колкий поцелуй в щеку от отца – язык не поворачивается назвать его "папой", отчимом или "дядей Славой". По большому счёту на эту специальность я пошла по его наставлению. Или вернее сказать – по указанию, не допускающему возражений. Чёткому и ясному приказу, такому, словно я находилась в числе его подчинённых полицейского отделения.

Мама легко и светло улыбается. У неё какая-то особенная улыбка, иногда едва заметная. Но если удастся поймать её, замираешь на месте. Словно скользнули по тебе солнечным лучиком и ласково коснулись живительным теплом.

– Дело за малым, осталось только работу найти, – шучу я, понимая, насколько будет непросто.

– Бог даст, всё сложится, – отвечает мама.

– И как известно, сама не плошай, – громыхает отец, уже находясь на выходе из квартиры, – у меня сегодня внеплановые сборы. Не ждите к ужину. Возможно, только под утро вернусь.

Я еще некоторое время болтаю с мамой о том, о сём, тщательно подбирая выражения. Она у нас верующая, и мне не хочется обижать её лишним раз случайно проскользнувшим бранным словечком или шуткой о божественном.

– Тебя Тамара искала, – вдруг спохватывается мама, – совсем из головы вылетело!

– Тома? Она уже тоже в городе?

Тамара – подруга ещё со школы. После окончания одиннадцатого класса наши дорожки разошлись – я уехала учиться в один город, она – в другой, чуть поменьше. Но связь мы всё равно поддерживали и виделись на каникулах.

– Приехала незадолго до тебя, забегала за тобой.

– Всё понятно, больше ничего не говори. Я сейчас ей сама позвоню...

Тамара берёт трубку почти сразу же.

– Привет, Катюха! А я как раз к тебе направляюсь. Давай, выходи, прогуляемся по местам нашей юности.

– Скажешь тоже, старушка...

Я быстро переодеваюсь, натягивая летний сарафан и сбегаю вниз. Стискаваю подругу в объятиях, вдыхая сладкий ванильный аромат парфюма. От Тамары всегда пахнет как от кондитерской фабрики или булочной – чем-то мягким, сладким и немного душащим. А в целом – она не изменилась, только цвет волос опять подправила – сейчас он тёмно-коричневый, с красноватым отливом против прежнего блонда. Тамара подхватывает меня под локоть и трещит без умолку, вываливая мне на голову ворох новостей. В том числе и об одноклассниках, кто женился, кто ещё учится, кто вовсю вкалывает на работе...

– У тебя с этим как дело обстоит, кстати говоря?

– Да пока никак, Тома... Ещё не искала ничего, но думаю будет то ещё представленьице.

– Ерунда, – машет рукой Тома, – неужели папочка тебя не сможет на первое время в отделение запихнуть? Посидишь скромно в уголку год-полтора, бумажки поперебираешь, а потом начнёшь искать что-то более приличное.

– Не хотелось бы. Ещё и на работе находиться под его неусыпным взглядом.

– Ха-ха-ха, всевидящее око, – подтрунивает надо мной подруга, иронизируя над постоянным контролем, которым окружает меня отец. Откровенно говоря, колпаком. Прозрачным, но пуленепробиваемым.

– Тебе смешно... А я лучше сама попытаюсь найти что-нибудь.

– Здесь, у нас?

– Нет же. Немного погощу у родителей и опять поеду обратно... Буду пытаться устроиться там.

– Ой ну не знаю... Будешь журавлей в небе ловить? Или просто смыться хочешь подальше, чтобы шить втихаря?

Тамара отчасти права. На самом деле мне претит бумажная волокита и бесконечные столбики цифр, все эти формулы экономического роста, оценки стабильности и рентабельности... Я люблю другое – метры тканей, иглы и ножницы. У меня хорошо получается кроить, я легко и быстро справляюсь с шитьём, чувствуя, что вот это – моё. Но отец счёл шитьё делом несерьёзным, заявив, что таким образом в жизни далеко не пробьёшься.

– Что тебя ждёт на этом поприще? Будешь сидеть где-нибудь в крошечной каморке и подшивать джинсы или ушивать юбки? Ты этого хочешь? Работать за мизер, тыча иглой?..

С отцом очень тяжело спорить, практически невозможно. Он подавляет своим голосом и пригвозждает к полу тяжёлым взглядом. А мама в такие моменты уповает на волю "Господа нашего". Иногда я не отдаю себе отчёта, что меня раздражает больше – деспотизм отца или молчаливая покорность матери.

– Ладно, не грузись, Катюха. Лучше скажи мне, на дискотеку пойдёшь с нами?

– Пойду, скорее всего. Отец на сборах внеочередных, так что сторожа сегодня при мне не будет.

Смешно. Мне двадцать лет, а отец не отпускает меня гулять позже чем час-два ночи. Но сегодня он будет занят и даже не сможет в положенный час набрать мой номер, чтобы проверить, дома ли я нахожусь. Я соглашаюсь, надо же как-то отметить окончание университета? Мама отпускает меня с лёгким вздохом. Кто-то из собравшихся вместе знакомых подтрунивает надо мной, как только меня отпустили на непотребное сотрясение телами под богопротивную и похабную музыку? Я смеюсь, стараясь не обращать внимания на подобные смешочки. Сейчас так весело и легко, просто расслабляюсь, танцую в небольшом местном клубе. Время уже перевалило далеко за полночь, ноги немного гудят в босоножках от танцев. В клубе душно и мы с Тамарой выходим на свежий воздух, вдыхая ночную тьму.

– Чёрт, как же классно! – смеётся подруга, вытаскивает из сумочки пачку сигарет и чиркает зажигалкой, – будешь?

– Нет, ты же знаешь, что я не курю.

– Не пьёшь, не куришь в свои двадцать лет, – смеётся подруга, – сексом хоть занимаешься?

Смотрит на моё сконфуженное лицо.

– Да ладно, только не говори, что у тебя ещё ни разу не было! – округляет она глаза, шокированная.

– Почему не было? Было, но как-то не доходило до того самого...

Я смущаюсь. Мне как-то неловко рассказывать о том, что не было у меня ещё такого, чтобы тянуло непреодолимо и было до чёртиков приятно терпеть липкие прикосновения горячих рук, стремящихся поскорее нырнуть под юбку. Какие-то мелкие увлечения на неделю или

около того. Казалось, что вот он – нравится и занимает мысли, но проходило несколько дней, и образ выветривался из головы, как дешёвый парфюм.

– Ну ты даёшь... Вернее, наоборот, не даёшь!.. Ну ничего, старушка, ещё все впереди. Тогда тебе точно надо валить из нашей дыры или помрёшь старой девой. Останешься здесь – папочка на тебя железные трусы наденет с замком, а ключ спрячет.

– Ой, всё, молчи уже, гуру раннего секса.

Тома рано приобщилась к плотским утехам, расставшись с невинностью еще лет в четырнадцать, о чём она сразу же поделилась со мной. Мерзко как-то, передёрнулась она, но в следующий раз уже сияла, как лампочка на сто ватт, томно вздыхая. Познакомилась с парнем чуть старше и до сих пор гуляла только с ним, как только дело до свадьбы ещё не дошло?..

– Ты в клуб будешь возвращаться? – спрашивает Тамара, щелчком пальцев отправляя окурок сигареты в урну.

– Честно, не очень хочется. Ноги уже гудят, – поморщилась я, – и ремешок на обуви начал натирать кожу. Еще пару танцев и точно до крови ноги сотру.

– Тогда поехали с нами. Витя на дачу звал, его старший брат сегодня шашлыки жарит там.

– Да как-то не очень хочется тереться в незнакомой компании.

– Брось, – приобнимает меня за плечи Тамара, – все свои. Я, Витя, брат его старший Вовка с другом.. Димой, кажется, зовут. Ещё пару-тройку девчонок из соседнего двора. Таня с Машкой. И Рита под вопросом.

– Мне же до утра вернуться надо.

– Так мы и вернёмся к утру. Я на даче без удобств торчать сутками не собираюсь. Посидим пиво попьём, шашлыки пожуём... Ты – ясное дело соком будешь накачиваться. Ну соглашайся, Кать. Вот упорхнёшь обратно – и мы опять не увидимся долгое время.

– Ладно, – после недолгих сомнений соглашаюсь я, – но к утру мы должны быть дома.

– Конечно, у меня самой пропуск только до утра выписан. Сейчас Витюшка за нами заедет...

Глава 9

Несколько лет назад (продолжение)

Витёк заезжает за нами буквально через минут десять на стареньком BMW, гроыхающим при езде так, что кажется, будто он развалится прямо на ходу. Приходится перекрикивать металлическое дребезжание и громкую музыку, что включил парень Тамары. Сама она сидит спереди, рядом с водительским сиденьем. Рука Витька вольготно лежит на её круглом колене, оглаживая его время от времени.

На даче в домике горит свет и слышится пение радиоприёмника. Перед домом ярко потрескивает костёр и жарится мясо.

– Оооо, какие люди к нам пожаловали! Здорово, Витёк... Ты с компанией?

Парень просовывает вихрастую голову в окно автомобиля.

– А что так мало девчонок? На нашем званом вечере ощущается острый недостаток прекрасного пола!

– Отвали, Димон, народ распугаешь, – отпихивает вихрастого в сторону второй подошедший. Его я уже знаю, это Володя, старший брат Витька, – давайте, вылезайте. Как раз вовремя, шашлык уже почти готов. Пивас захватил, мелкий?

Володя шутя обхватывает брата за шею, награждая того щелбаном.

– Конечно, разгружай горячее! – Витька распахивает багажник автомобиля.

– Молодец, вот и тащи его куда следует...

Володя удаляется, предоставив брату право самому нести ящики с пивом к костру. Витька чертыхается, но послушно следует за братом. Компания возле костра собралась намного больше, чем говорила Тамара. Я пробегаюсь глазами по собравшимся. Кроме Витька, Володи и Димы на низких лавочках или просто на траве сидят ещё четверо парней, незнакомых мне. Рядом с ними расположились девчата: Таня и Маша, Рита.

– Ещё Марина хотела приехать, но не смогла. У неё маман в ночную смену вышла, с сестрёнкой приходится сидеть, – объясняет Таня, целуя в щёку.

– А нас? Мы тоже любим поцелуйчики! – шагает ко мне один из парней, раскинув руки в приветственном жесте.

– С незнакомцами не целуюсь.

– Так в чём проблема? Давай познакомимся.

Мне не очень нравится кривоватая улыбка и развязный тон, но Витёк осаждает его:

– Уймись, Антон. А то точно придётся куковать в мужской компании.

Витя скороговоркой выпаливает, имена, представляя всех незнакомых друг другу:

– Саша, Антон, Макс, Женька...

Саша и Антон похожи так сильно, что их едва можно отличить одного от другого. Из разговора становится понятно, что это двоюродные братья. Мгновенное напряжение уходит прочь, и я занимаю место рядом с подругой, вливаясь в общую беседу.

– Народу маловато собралось, – тянет недовольно Макс, – мы мясом на целую роту затарились.

– И пивом, – добавляет Женька, открывая жестяную банку, – придётся есть и пить до усёру, не пропадать же добру!

Антон проходит мимо и суёт мне в руки банку с пивом, усаживаясь рядом, стучает об неё своей:

– За знакомство?

– Я не пью, – стараюсь убрать банку, ища чего-нибудь другого.

– Да ладно, от одного глоточка с тебя не убудет!.. Тем более ничего другого всё равно нет.

– Антоха, ты что приклеился? Запал, что ли? – обращается Тамара. Она сидит поодаль и милуется со своим Витьком, лишь изредка вставляя пару слов в разговор, – там в домике диспенсер с водой, Катя. А то помрёшь от засухи!..

Я поднимаюсь и иду в домик. Щёлкаю выключателем и ищу свободную кружку. Помпа на диспенсере никуда не годится, шипит, пропуская воздух, и выдает воду по капле. На то, чтобы напиться и набрать воды с собой у меня уходит минут десять, не меньше.

Я возвращаюсь к друзьям, сразу понимая, что у костра стало на ещё одного человека больше. Парень оборачивается и улыбается:

– И ты здесь, котёнок?

Я смущаюсь, смотря в тёмно-карие глаза с прищуром. Это сын друга отца, Кирилл. Он часто бывал у нас дома. Так часто, как бывают только близкие родственники. Иногда отец шутил, что сын друга ему самому почти как родной. В особенности часто Кирилл появлялся у нас в то время, как его отец погиб в автомобильной аварии. Потом начал появляться реже, но всё равно у нас дома он чувствовал себя вольготно. А прозвище – котёнок с самого детства, когда на какой-то новогодний утренник я пошла в костюме кошечки. И Кириллу пришлось забирать меня домой, потому что матери стало плохо с сердцем, а отец был на дежурстве. Так и повелось – котёнок, прилипло надолго, несмотря на то, что прошло больше десяти лет с того самого утренника. Сейчас мне – двадцать, Кириллу – немногим больше, двадцать восемь. И я до сих пор – котёнок, а он – что-то вроде друга или двоюродного брата, который нравится самую чуточку больше, чем следовало бы.

– Привет, не знала, что и ты будешь здесь.

– Я просто мимо проезжал, – машет он в сторону внедорожника, припаркованного за забором, –машину Витька увидел, зашёл поздороваться. А ты давно в город приехала?

– Только сегодня утром.

– Ага, и сразу поскакала развлекаться?

Я смущаюсь от его подтрунивания надо мной, кажусь себе всё той же маленькой девочкой с плюшевым хвостом и треугольными ушками, закреплёнными на ободке. А он будто оглядывает меня с головы до ног и посмеивается: "Так ты оказывается, не Катя, а котёнок!". Только сейчас выражение его глаз чуточку иное, полыхает тёмным и заставляет опускать взгляд. И в голову словно что-то стучит "тук-тук", вынуждая неприятно ёжиться от холодных мурашек по коже.

– Отмечаю окончание университета, – улыбаюсь я.

– Красный?

– Само собой.

– С твоим отцом другого и быть не могло, да?

– Что-то вроде того. А ты?

– А что я? Я-то постоянно в этом городе живу. У меня планы... Скоро открытие нового торгового дома.

У Кирилла хорошие "связи", его дядька – губернатор нашего небольшого городка. Хорошее подспорье для молодого и перспективного бизнесмена. Я киваю головой, перебрасываюсь еще парой ничего не значащих фраз с Кириллом. Он опустошает пару банок пива и поднимается, смотрит на меня сверху вниз.

– Ладно, мне пора, а тебя до дома подбросить?

Ему наверняка не очень интересно сидеть среди салаг вроде нас, неоперившихся птенцов, едва окончивших университеты, потому он уезжает, едва высидев полчаса.

– Я с Тамарой, – отнекиваюсь я, отчего-то не желая оставаться с ним наедине, чувствуя смущение.

– Как скажешь. Ещё увидимся.

Через пару минут автомобиль трогается и с места.

Уже скоро близится утро и усталость берёт своё. Димка сидит в глубоком плетеном кресле, прикрыв глаза, и кажется, спит. Все остальные тоже стремятся найти себе место на дачном участке. Тома обжимается с Витьком и вскоре ожидаемо удирают прочь, ища укромное местечко. Макс с Женькой уже давно храпят в домике, лежа валетом на узком диване. Таня трётся неподалёку с Володей и, кажется, эта вновь образовавшаяся парочка вскоре тоже уединится. Так оно и происходит. Непонятно, где бродит Ритка... Возле остывающего костра остаюсь я и два брата, Саша с Антоном. Бренчат на гитаре по очереди и болтают между собой вполголоса. Я поднимаюсь и иду в дом, ища, где бы прилечь отдохнуть. Большое кресло оказывается занято Риткой, свернувшейся в нём калачиком. Приходится возвращаться на улицу. Возле домика с торца стоит еще одно кресло, скрипучее кресло-качалка, я планирую забраться в него.

Парни тоже разбрелись по участку. Я опускаюсь в кресло, обхватывая себя руками от зябкого холода. Жаль только не догадалась взять куртку с собой...

– Чё холодно, красавица?

Антон появляется неожиданно, словно чёрт из табакерки.

– Не жарко, скоро рассвет. Перед рассветом всегда холодно.

– Так может согреемся? Есть парочка способов.

Он стоит, широко раздвинув ноги, чуть покачиваясь. Кто-то явно перебрал с пивом. Я осторожно встаю из кресла и огибаю его по широкой дуге, возвращаясь во двор. Не успеваю сделать пару шагов, как он хватает меня и прижимается мокрыми губами к шее.

– Куда торопишься, маленькая?

Мне хватает сил пихнуть его со всех сил локтём в живот и, развернувшись, пнуть коленом в пах. Он нетвёрдо стоит на ногах, потому отшатывается и ругается, согнувшись. А я тороплюсь прочь. Навстречу попадает Саша, брат Антона.

– Держи сучку! – кричит ему Антон, уже оправившийся от удара. Саша недоуменно смотрит на меня, а потом ухмыляется, бросаясь мне наперерез. Я ныряю ему под руку и выбегаю со двора через пролом в заборе. Надо бы вернуться и растолкать спящих, но для этого нужно обойти двух братьев, нагоняющих меня. Я не придумываю ничего лучше, кроме как нырнуть в салон автомобиля Витьки и заблокировать все двери. Антон подбегает и грохает кулаком по боку автомобиля.

– Давай, вылезай.

Руки трясутся, когда я вставляю ключ в замок зажигания.

– Эй, ты чего удумала, дура?

Саша стоит прямо перед капотом. Я проворачиваю ключ зажигания и надавливаю на педаль газа.

– Бля, шас я до тебя доберусь! – Саша отскакивает в сторону. Автомобиль проезжает всего пару метров и глохнет. В окно с водительской стороны тарбанит кулаком обозлённый Антон. Я нажимаю на автомобильный гудок и сигналю, чтобы разбудить спящих в доме и привлечь внимание ушедших Витьки и Тамары.

Помощь приходит внезапно. Антона за шиворот отгаскивает Кирилл, невесть откуда взявшийся. Пинает его под зад и отшвыривает, словно щенка. Щуплый тощий Антон кажется щепкой по сравнению с Кириллом. Из домика на звук громкого автомобильного гудка высыпают заспанные приятели, и откуда-то сбоку участка спешит раскрасневшаяся Тамара с Витьком, одергивающим одежду на ходу. Кирилл стучит по стеклу и только сейчас я осмеливаюсь открыть дверь. Он загребает меня в охапку, прижимая лицом к груди.

– Что случилось? – недоумевает Тома, переводя взгляд с меня на Антона, потирающего ушибиленный зад.

– Дура подруга у тебя, – зло бросает Антон, – чувство юмора на нуле!..

– Кать, что произошло-то?

Объятия чересчур крепкие, мне тяжело дышать. Я высвобождаюсь из захвата Кирилла. Тот крупными шагами направляется к автомобилю, бросая мне издали:

– Ну что, теперь домой поедешь?

– Да, – согласно киваю я. Хватит с меня отдыха на природе. Хочется поскорее уехать отсюда, очутиться на своей кровати, вдыхая знакомый запах родного дома. Желание настолько сильное, что я плюю на онемение и робость перед Кириллом, причины которых мне неясны. Плюю и соглашаюсь уехать с ним.

– Подожди, сейчас вместе все поедим... Через пару часов, – заискивает Тамара.

Я не соглашаюсь и иду следом за Кириллом, дожидаящегося меня у своего авто. Он открывает дверь передо мной и резко стартует с места, проносясь по ухабистой дороге. В салоне повисает неловкая тишина. Несмотря на то, что Кирилла я знаю давно, он кажется каким-то чужим и я не знаю, о чём можно с ним поговорить. Он первым нарушает тишину.

– Какие планы на лето, котёнок?

– Работу буду искать.

– Здесь, у нас?

– Нет, я не хочу оставаться здесь. Перспектив мало.

– Кто тебе такое сказал? Если захочешь хорошо устроиться, пробьёшься всюду. Тем более у нас... Могу подсобрать. Всего один-два телефонных звонков и работа у тебя в кармане.

– Спасибо, но... я хотела бы заниматься другим делом, а не торчать в офисе.

– Чем же? – интересуется Кирилл, искоса глядя на меня.

– Своё ателье хотела бы открыть, – смущённо произношу я.

Кирилл морщится:

– Ничего другого придумать не смогла? Кому они нужны, эти ателье? Сейчас вся одежда фабричная. Не страдай глупостями, котёнок. Мы тебя в два счёта пристроим в тёплое местечко.

Я вздыхаю – не нужны мне ваши офисные тёплые местечки. Я пока практику проходила на последнем курсе чуть со скуки не померла, выполняя рутинную работу день за днём. И не могу себе представить, что буду заниматься подобным день ото дня.

– Подожди, куда мы едем? Ты пропустил нужный поворот.

– Не, не пропустил. Сейчас заскочим в одно местечко. Тебе понравится.

В голове опять зудит на повторе: хочу как можно скорее очутиться дома, в своей кровати, а не колесить невесть где, но не выпрыгивать же из машины на ходу. Тем более, это же Кирилл, так ведь?..

Он привозит меня на окраину городу. Там есть пара возвышенностей, издали напоминающих сердце. "Гора влюблённых", с них открывается хороший вид на наш городок, весь лежит как на ладони. А ещё сюда приезжают парочки, часто устраивая пикники.

– Красиво, да?

Солнце уже вовсю встаёт, озаряя горизонт. И город внизу кажется ненастоящим, игрушечным. Ткни пальцем – развалится как карточный домик. Холодный ветер заставляет кожу покрыться мурашками. Ещё пару минут я наслаждаюсь видом.

– Может, поедим?

– Домой торопишься?

Кирилл вдруг привлекает меня к себе, проводит руками по плечам. Горячие ладони оглаживают кожу.

– Ты вся мурашками от холода покрылась.

Он достаёт с заднего сиденья автомобиля куртку и накидывает мне на плечи. Я утопаю в ней и запахе кожи и парфюма, которым пропитана куртка. Кирилл обхватывает меня со спины, прижимая к себе так тесно, что становится тяжело вздохнуть.

– Ты изменилась, котёнок. Стала совсем взрослой, – шепчет он на ухо, едва касаясь губами мочки уха, – и красивой.

Он разворачивает меня, наклоняется к губам и касается их в поцелуе. Легко и мягко. Должно быть приятно, но вместо этого я лишь ощущаю резкий, ещё не выветрившийся вкус пива и запах сигарет. Я отстраняюсь, отворачивая лицо.

– Ты чего, котёнок? Я же тебе нравлюсь, – прищуривается Кирилл, улыбаясь. Руки ныряют под куртку и ложатся на талию.

– Нравишься, но не так сильно.

– Ха, вот заявленьице. Ты же ещё не попробовала, чтобы быть уверенной.

– Кажется, что и не стоит.

Я упираюсь кулаками в грудь Кирилла, пытаюсь отстраниться, но он ещё крепче прижимает меня одной рукой, а второй обхватывает подбородок и впивается в губы жадным поцелуем. Рука держит крепко, не давая отвертеться. Губы скользят мокро и голодно, он втискивается ими в мой рот, прикусывает губы и проникает языком. Глубже и дальше. Я едва не задыхаюсь от глубоких и сильных толчков у себя во рту. Не чувствую ничего, кроме желания, чтобы это побыстрее закончилось. Толкаю Кирилла изо всех сил, но так просто его с места не сдвинуть – стоит как каменная глыба и шарит рукой по телу, поднимаясь от талии и сжимая грудь в ладони. Жадно мнёт её до боли, отрывается от рта.

– Охеренно, котёнок, ты чудо...

Он вновь наклоняется, но на этот раз уже касается шеи губами, засасывая кожу внутрь рта и оглаживая её языком.

– Кирилл,пусти меня...

Он не слышит – тяжело дышит и тянет верх сарафана вниз, обнажая грудь. Накрывает ладонью полушарие и сжимает сосок между пальцами.

– Не, не могу. Сладко так. Тебе понравится.

Мгновение – и он скидывает куртку с моих плеч, опрокидывает меня на неё навзничь, нависает, удерживая своим телом. Губы вновь находят мои, толкается внутрь рта языком. Он тянет подол сарафана вверх. Меня прошибает ужасом.

– Нет,пусти... Я не хочу.

– Ты просто расслабься. Всё будет хорошо.

– Нет,пусти меня. Не буду, не хочу!

Я протискаваю колено и ударяю им. Непонятно куда пришёлся удар, но Кириллу это не понравилось.

– Вот это было зря, котёнок, я же с тобой ласково.

Он стискивает ткань трусиков, стягивая их по ногам.

– Не брыкайся, лошадка необъезженная!..

Я уже не могу сдержать крика и слёз, отбиваюсь. Но для него мои удары – всё равно что комариные укусы. Он разводит бёдра устраиваясь между ними и стягивает с себя джинсы вместе с бельём.

– Последняя попытка, котёнок, уймись. Иначе будет неприятно.

Его слова едва ли мне понятны, понятно только прикосновение горячего, чуть подрагивающего от возбуждения члена к складкам.

– Тшшш...

Рука Кирилла ложится поперёк горла и сдавливает его.

– Ну же, котёнок, давай...

Одно движение его бёдер, отдавшееся сильной резью и неприятным жжением, сменяется ещё одним и ещё, с каждым толчком проникает всё глубже. Горло сдавлено так сильно, что перед глазами темнеет и из глотки вырывается только сиплое дыхание.

– Такая узенькая...

Он говорит что-то ещё, но сознание улавливает лишь некоторые фразы. Пара мощных рывков – и жгучая боль разливается внутри. Секундная задержка и разорванная преграда

не останавливает убыстряющихся толчков, раздирающих нежную плоть. Кирилл вдалбливает себя в меня на бешеной скорости. Минуты агонии и насилия кажутся часами, растянутыми до бесконечности. Наконец, он дёргается в последний раз со стоном и дышит тяжело через стиснутые зубы, поднимается на локтях надо мной.

– Ты первый раз, не так ли?

Кирилл наклоняется, тянется губами к моему рту и накрывает губы, искусанные в кровь. Мне уже всё равно, хочется только уйти и смыть с себя всё произошедшее. Я сажусь и натягиваю сарафан. Между ног саднит и ноет, липко от пролившейся крови и спермы. Кирилл поднимается и застёгивает молнию на джинсах. Он стоит рядом и аккуратно касается плеча рукой. Я сбрасываю его пальцы.

Он подбирает мои трусики и протягивает их мне, ныряет за салфетками в салон своего авто.

– Вытрись, ничего страшного не произошло. Потом будет приятнее.

Я поднимаюсь и кое-как оттираюсь салфетками, что он протягивает мне. Стоит и наблюдает за моими движениями с каким-то странным, болезненным интересом. Словно ничего особенного не произошло.

– Садись, – он распахивает дверцу рядом с водительским сиденьем. Я игнорирую его приглашение и сажусь сзади на пассажирское сиденье. Слезы стоят комом в горле и щиплет глаза, но солёная влага не выходит из берегов, душит изнутри, отравляя. Едва автомобиль заезжает в город, я выпаливаю:

– Останови машину.

– До дома твоего еще далеко.

Я хватаюсь за ручку дверцы, нажимаю и держу её открытой:

– Останови или я выпрыгну.

– Да ты совсем с ума сошла!

Но всё же резко жмёт по тормозам. От неожиданности я утыкаюсь головой в спинку сиденья, но тут же вскакиваю и пулей вылетаю из машины. Бегу со всех ног, опасаясь, что Кирилл станет догонять меня. Но он лишь выходит из авто и смотрит мне вслед. Я вижу во дворе дома старенькие Жигули с жёлтой шашечкой на крыше машины и спешно сажусь внутрь, называя домашний адрес. Заспанный водитель испуганно вздрагивает, но всё же заводит мотор.

Квартира полна утренней тиши. Мама спит, а отец ещё не вернулся. Я долго сижу в ванной комнате под струями душа, думая, что хуже быть не может.

Наивная. Хуже быть может всегда. И через некоторое время меня начинает полоскать по утрам. Ужасающая догадка маячит передо мной, словно петля на виселице. Остаётся лишь сунуть в неё голову – тест показывает две яркие полоски.

Глава 10

Несколько лет назад (продолжение)

Паника поселяется внутри меня, маячит перед глазами кричаще-красными полосками. Я не могу поверить и покупаю несколько тестов. И все, как один, упорно подмигивают и поло-суют жизнь. Я никому не рассказывала о произошедшем. Не тот случай, когда можно взять и просто сказать кому-то: "А вы знаете, меня изнасиловали и теперь я беременна". С этим надо что-то делать. И я знаю, что. Собираюсь с духом и иду в поликлинику. Мне кажется, что все, сидящие в очереди, догадываются, зачем я здесь. Чувство такое, будто над головой красным горит табличка о моей поганой ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.